

Н.В. Сорокина

**ЩЕПАНСКАЯ Т.Б. КУЛЬТУРА ДОРОГИ
В РУССКОЙ МИФОРИТУАЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ XIX–XX ВВ.
М.: ИНДРИК, 2003. 528 С.**

Ежедневное путешествие человека по пути жизненной повседневности имеет сотни направлений. Мы идем спеша или вразвалочку. Едем, самостоятельно управляя транспортным средством или обращаясь к услугам пассажирских перевозок. Принимаем решение об изменении хода, делая его отличным от окружающих человеческих выборов, или движемся как все. Шагаем вдоль воды, оставляя следы на мокром песке, которые проглатывают волны, или фиксируем отпечаток подошвы на горячем асфальте. Все это сценарии, создаваемые и реализуемые нами в дороге. Начало и окончание пути, окружающая действительность и встречи с путниками, правила поведения на дороге базируются на культуре и традициях, воспринимаемых нами как естественно существующее.

Татьяна Щепанская в своей работе «Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв.» рассматривает этнические традиции передвижения: обычаи, представления, вещественные атрибуты, символику, знаковые объекты и ритуалы. Целью автора является «концептуализация этнографии дороги» «как отдельной и специфической сферы народной» (С. 10) культуры. Задача заключается в «реконструкции социальной регуляции» (Там же), состоящей из поведенческих стереотипов (мифоритуальной традиции) и символических систем (соционормативной традиции), определяющих нормы, дорожные статусы. «Дорога» как отправной пункт авторских размышлений представляется в виде организованного мегатекста, состоящего из фольклорных жанров, приуроченных к трем этапам путешествия: уходу, пути, возвращению, каждому из которых посвящена своя часть книги. Сквозь описание дорожных испытаний, связанных с нахождением человека в статусе «ушельца», «путника» или «пришельца» рассмотрены коммуникативные практики, табу, гендерные дихотомии, интеграция, стереотипы, правила поведения на дороге.

В первой части издания выход из дома на дорогу, т. е. «пространство безграничной свободы и ее русской разновидности — воли, как возможности ухода от прежних пут и социальных условностей» (С. 40) рассматривается

как приобретение нового статуса, регулируемого ценностями подвижного образа жизни в противовес доцентричному. Комплекса дорожной одежды описывается за счет перечисления основных элементов, функциональностью и знаковой символикой. Актуальность темы обусловливается тем, что «дорожные» представления сквозь призму исторических традиций объясняют основы взаимодействия, конструирования статуса в среде современных субкультур и профессиональных сообществ. Следуя мыслям Байбурина о том, что «смерть в значении агента представлена у восточных славян в различных (чаще всего антропоморфных) воплощениях» (Байбурин 1993 www.dobre.ru/book/baburin/baybur10.htm) — образе женщины, Щепанская отмечает гендерную специфику пути, отторгающую женскую символику, стигматизируемую в качестве носительницы потенциальной опасности. Если посмотреть на персонажей сказки, многие из центральных героинь — Баба Яга, ведьма, кума, мачеха — выступают вредителями, встречающимися на пути, чья основная функция — это помеха и вызов главного лица на борьбу. В любом случае, «пространственное перемещение» главного героя к месту назначения, о котором писал Пропп, анализируя строение сказок (Пропп 1928 <http://feb-web.ru/feb/skazki/critics/pms/PMS-001-.htm>), связано с испытаниями и многочисленными знаками, указывающими на финал путешествия. Таким образом, такое фольклорное проявление, как народная сказка, подтверждает мысль, что женский персонаж зачастую грозил опасностью. Да и сегодня современные фольклорные поговорки, касающиеся встреч с «бабами», несущими пустые ведра, или женщинами за рулем на дорогах, не сулят путешествующему счастливого исхода всего пути.

Вторая часть монографии освещает идентификационный процесс в момент встречи, представления, связанные с взаимодействием путников, конструирующие символический комплекс дороги с предписаниями, запретами, избеганием, заговорами. Представлен образ встречных персонажей с позиции примет, отрицательно или положительно маркирующих дальнейший путь, а также половозрастных тактик. Пространство, наделенное сакральными локусами, где «участки, имевшие особый статус “святых” или “страшных” мест» (С. 244), представлено как «сила», влияющая на поведение человека. Вслед за А.Я. Гуревичем прослеживается мысль о мифологическом осознании мира, которое «характеризуется качественной неоднородностью как времени, так и пространства». Дорожное пространства, или «мирское, обыденное время перебивается моментами сакрального» (Гуревич 1984: 50 <http://www.auditorium.ru/books>), обряд ухода представляет собой время трансформации социального статуса. Автор выходит на идею о специфике дорожного социального управления — ведь за отсутствием общественного контроля ввиду неопределенности статуса встречного и непредсказуемости действий неопределенность начинает управлять поведенческой реакцией, через символ актуализируются нормы, знания, образцы. Книга насыщена яркими примерами из дорожной повседневности, подчеркивающими ритуализированную основу общения, в ходе которого транслируется символическое знание.

Последняя часть посвящена стратегиям возвращения: адаптации или отторжения «пришельца», вероятности приобретения новой статусной позиции посредством примет, т. е. «перекодирования дороги, так что ее события становились знаками, элементами картины будущей встречи» (С. 359). Авторский интерес к мифологизированной стороне восприятия пришлого раскрывает приписывание чужаку тайной магической силы, служащей преимуществом при найме на работу бродяг, играющих на образе «знающего», что давало «возможность защиты своих прав в чужом сообществе, компенсируя отсутствие» (С. 414) поддержки общественной. Феномен «странной власти» пришельца, обладающей функцией управления «в пределах кризисной зоны, области нарушений, неблагополучия» (С. 464), относится к символам неопределенности, кризисными взаимоотношениями, произвольными решениями лидера. В целом, Щепанская показывает систему коммуникаций на фоне традиций дорожной культуры. Точно так же, как ностальгия о прошедшей эпохе, отразившаяся, к примеру, среди «повседневных привычек» (Калинин 2007: 12) советского быта, растворившихся в современности, культура мифоритуальной традиции пронесла сквозь огромное временное пространство ряд образцов, воспроизводимых или отвергнутых, но так или иначе отразившихся на полотне настоящей повседневности. И в наше время по-прежнему наблюдается связь рутинных интеракций с пространством дорожного полотна. Бытование фольклорных явлений говорит нам о присутствии культурно-дорожных традиций, проявляющихся в наличии регулирующих норм, статусов и конструирующих смыслы средств, поэтому изложенный автором результат этнографического исследования русской мифоритуальной традиции находит отклик в представлениях современных сообществ и субкультурных проявлениях.

Литература

Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре: Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб., 1993. //http://www.dobre.ru/book/baburin/baybur10.htm Обращение к ресурсу 11.12.2006.

Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1984. С. 50. //http://www.auditorium.ru/books/2557/ Обращение к ресурсу 11.12.2006.

Калинин И. Повседневность, «которая всегда с тобой»// Неприкосновенный запас. 2007. № 4. [054]. С.3–12.

Пропп В. Мифология сказки. Л.: ACADEMIA, 1928 // http://feb-web.ru/feb/skazki/critics/pms/PMS-001-.htm Фундаментальная электронная библиотека РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ФОЛЬКЛОР. Обращение к ресурсу 4.01.2008.

Щепанская Т.Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. М.: Индрик, 2003.